

В Л А Д Р Е В З И Н

УВЕ КЛЮГ

1933

СУМЕРКИ
БЕРЛИНСКИХ
ИДолоВ

Влад Ревзин

Сумерки берлинских идолов

«Издательские решения»

Ревзин В.

Сумерки берлинских идолов / В. Ревзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982462-2

Время происходящего — конец января — февраль 1933 года, Берлин, Германия. Слом эпох. Крах Веймарской республики и «восхождение зла» нацизма. Столица наводнена шпионами всех мастей. После периода экономического подъема следует катастрофический кризис. В книге действует три основных персонажа. Детектив берлинской полиции Уве Клюг, расследующий убийство сначала штурмовика СА, потом частного детектива; советский разведчик, разбиватель женских сердец; анархист террористической окраски...

ISBN 978-5-44-982462-2

© Ревзин В.

© Издательские решения

Содержание

Сумерки берлинских идолов	6
Часть первая	9
Глава первая Уве Клюг	13
Глава вторая Карл Кюла	21
Глава третья Уве Клюг	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сумерки берлинских идолов

Влад Ревзин

© Влад Ревзин, 2020

ISBN 978-5-4498-2462-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сумерки берлинских идолов

«Министру обороны Курту фон Шлейхеру, 1 сентября 1932 года.

Наш восточный источник сообщает:

В узком кругу высшего руководства Советского Союза активно дебатруется тема выбора поддержки стороны оппозиционных сил внутри Веймарской республики. Лидер Всесоюзной Коммунистической партии большевиков Иосиф Сталин убежден, что коалиционное правительство социал-демократов Германии скоро падет, и власть перейдет в руки одной из сторон оппозиции. До XVII конференции ВКП (б), проходившей с 30 января по 4 февраля в Москве, в советском руководстве преобладали силы, поддерживающие немецкую коммунистическую боевую организацию во главе с Э. Тельманом, и примыкающую к ней Рурскую красную армию.

В ходе конференции проходили консультации при закрытых дверях, где было высказано иное мнение: растущая мощь и мобильность вермахта, помноженная на национальное единство и реваншизм в массовом сознании немецкого народа, превращали встающую с колен Германию, в достойного противника Британской Империи.

Выбор поддержки той или иной стороны оппозиции вызвал ожесточенные споры среди участников дискуссии. Партийные функционеры, особенно те, кто участвовал в Октябрьском перевороте, продолжают настаивать на поддержке германских коммунистов. Большая часть высших чинов Красной Армии и разведки склоняются к поддержке НСДАП. Судя по косвенным внешним признакам, Сталин еще не решил, идти ли на временное ослабление роли Коммунистической партии Германии или продолжать прежний курс».

Фрегаттен- капитан Конрад Патциг, начальник отдела военной разведки и контрразведки (Абвер).

«Фрегаттен-капитан! Ваше сообщение кажется мне неполным. Ни в коем случае не умаляя компетентность Вашего отдела, я предпочитаю получить более широкие данные о вашем информаторе в Москве, и из каких источников агент черпает столь конфиденциальную информацию. Можно ли всеобъемлюще доверять этому человеку в подобных обстоятельствах?»

Министр обороны Курт фон Шлейхер, 3 сентября 1932 года.

«Герр Генерал! Наш источник в Москве, кодовое имя Балкенкройц, является чиновником Секретного отдела ЦК, возглавляемого Поскребышевым А. Н. Сотрудничает с Абвером с 1921 года, член ВКП (б), заслуженный член партии. Через его посредство получен большой объем скопированных ценных партийных и государственных документов, принятых органами власти СССР разные периоды деятельности. До сегодняшнего дня Балкенкройц не давал ни единого повода усомниться в своей искренности...»

Фрегаттен- капитан Конрад Патциг, начальник отдела военной разведки и контрразведки (Абвер), 3 сентября 1932 года.

Внимание и. о. министра обороны Веймарской республики Фердинанду фон Бредову:

«Генерал! Московский источник, кодовое имя Балкенройц, основываясь на ряде косвенных признаков, предполагает, что в Берлине несколько лет действует советский разведчик, в обязанности которого, кроме тактического шпионажа, а именно получения военных и промышленных данных Рейха, и в частности исследований в нашей химической области, входят и стратегические задачи. Одна из них, полученная в начале текущего года, – подрывная деятельность с целью ухудшения кризисной ситуации в политической сфере, на уровне кризиса экономического. Возможно использование замкнутых групп анархо-синдикалистского толка, красных кружков и отдельных членов СА»

Фрегаттен – капитан Конрад Патциг, начальник отдела военной разведки и контрразведки (Абвер), 4 декабря 1932 года.

«О реорганизации отдела Имперского отдела обороны «Отпор» (Abwehr) в аппарате, которого создается пять основных подразделений:

1. Количество сотрудников со 150 увеличивается вдвое, и к концу месяца должно достичь 310...

14. Актуальные дела необходимо распределить между вновь образованными подразделениями в соответствии с целями и задачами, поставленными перед начальниками отделов.

31/ с. Текущая документация с грифом « Совершенно секретно» по противодействию вражеского агента Попеншпиллар, как и дальнейшая разработка операции передаются в ведение отдела «AV». Передача любой информации по данному делу любой организации или сотруднику вне отдела «AV» строго запрещена».

Начальник разведотдела Абвер, Фрегаттен- капитан Конрад Патциг, 16 февраля 1933 года.

Памяти Эриха Курта Мюзама, позволявшего себе смеяться над Адольфом Гитлером тогда, когда «молчаливое большинство» салютовало ему.

Часть первая

Зима в этом году не задалась.

Вместо снега дождь. Черная, насыщенная водой земля чавкает под ногами, осенние лужи, мартовские запахи путают инстинкты.

Неровное мощеное покрытие улицы Ниблигештрассе тускло отсвечивает в неярком свете фонаря. Только что на улицы надвигались сумерки, но скоро они обратились в ночь. Трогуары покрыты моросью, капли воды неспешно скатываются к каменным бордюрам, обогащая тоненькие ручейки, что текут по узким ложбинкам.

На перекрестке вдоль трамвайных рельс мостовая разворочена. Несколько рабочих целый день били молотом по костылям, вгоняя их в берлинскую землю. Но бригада давно разошлась по своим домам, оставив неприбранную землю и неровно сложенные кубики мощеного камня.

Над фонарем, на уровне верхних этажей, клубится тьма. В трехэтажном доме горит лишь два окошка, время позднее. Мелкие буржуа и рабочий люд ложатся спать. Им не мешает еле слышный шум из пивной, что находится в цокольном этаже трехэтажного дома. На мостовой лежат желтые прямоугольники света из окон, доносятся, приглушенный звон стекла и гул человеческих голосов.

Жильцы привыкли к этим звукам.

Фрау Фляйзих с верхнего, мансардного этажа несколько раз за вечер выходила на небольшой балкончик: взять прищепку, глянуть на рабочих из трамвайного депо, пытаюсь определить, когда же закончится адский ремонтный шум; просто глотнуть сырого свежего воздуха. И каждый раз видела внизу плотную мужскую фигуру, человека, прислонившуюся плечом к фонарному столбу. Человек читал газету, через время засунул ее в боковой карман и глазел по сторонам; курил, иногда прохаживался вдоль тротуара.

– Полиция, – сказала сама себе фрау Фляйзих и поджала губы.– Топтун. Ну, постой, авось отсыреешь...

Плотный человек, в черном пальто и шляпе, надвинутой поглубже, и поднятым воротником, – чтобы избежать холодных капель, падающих с неба, – давно прочел сырую Моргенпост. Выкурил последние полпачки «Джюно». Окурки полукругом лежали у ног, словно риски на компасе. Во рту сухо и противно.

Но уходить нельзя. В пивной «Золотая брага», сидит человек, который в удачном раскладе может принести частному детективу Отто Циммерману 5000 марок. Громадная сумма, – если учесть, что дела в последнее время не идут блестяще. Поиск велосипеда герра Мюллера с Вергессенштрассе не дал результатов, и, следовательно, гонорара; слежка за супругой кельнера из «Фалле», на что потрачена целая неделя, – 25 марок, плевков в лицо и пинок острым носком женской туфли чуть ниже правого колена.

У Отто имелось еще одно прибыльное дельце, но и оно давало все меньший доход, – а опасности, связанные с ним, были неизмеримо большими. Поэтому уже три часа Отто не спускал глаз с вывески с изображением усатого счастливица, сдувающего пену с кружки «Золотой браги».

«Золотая брага», – обычная рабочая пивная. Таких десятки на окраинах громадного города. Отличие состояло лишь в том, что два раза в неделю здесь собирались активисты красного кружка «Ротес Пролетариат». Пили пиво, спорили, перебивая друг друга. До хрипоты кричали пропагандисты...

Отто скривился. Он не любил коммунистов, – за крикливость, агрессивность и желание собираться в длинные демонстрации, завернувшись в километры кумача.

Тот человек, из-за которого Отто Циммерман мок под редким противным дождиком, считался самым разыскиваемым преступником Германского рейха, и личным врагом бургомистра. Если бы только слова маленькой проститутки, торгующей собой у Восточного вокзала, оказались правдой.

Злодея полиция и пресса называли Ральфом, но только для удобства, – настоящего имени пока не знал никто.

Однажды за взрыв и поджог лютеранской церкви арестовали некоего Ральфа Грёнера, безработного. Почти сразу же стало ясно, что это случайный человек, и Грёнера вскоре освободили. Пресса подхватила имя Ральф, которым стали называть зловещую тень неизвестного пироманьяка.

Отто Циммерману, похоже, повезло.

Три недели назад ипподромный жучок по кличке Пфедезел за рюмкой шнапса сообщил, что уличная малышка обслуживала клиента-штурмовика, и тот похвалялся, что каждый берлинец боится его, как огня. Сам Пфедезел иногда проводил ночь с маленькой проституткой, и она жучку доверяла.

– Бум! – якобы смеялся тот – И этого дома больше нет.

Оказалось, что он очень хорошо знал эту малышку. Расспросив ее, Циммерман, как доберман, побегал по следу.

Отто всей душой желал, чтобы это был тот самый человек. Он отчаянно нуждался в деньгах.

Конечно, Отто Циммерман мог не мучить себя, а сидеть сейчас в пивной, пить пиво и держать подопечного перед глазами. Но опыт бывшего полицейского со стажем подсказывал, что его толстая морда достаточно заметна, и дальнейшая слежка усложнится. Другое дело на улице, – шляпа на глаза, воротник на уши, и шлеп-шлеп...

Каждые несколько минут двери пивной открывались и закрывались, впуская и выпуская посетителей. Изнутри доносились голоса и выползали клубы табачного дыма. Сыщик представил себе тепло и запах алкоголя и тихонько взвыл.

Отто проклинал тот день, когда его выкинули из участка. Сидел бы сейчас в Кляйнмоторвагене, – сухо, чисто, хоть спи. Домик на колесах...

Ныло плечо, и сыщику потребовалось сменить положение. Теперь Отто уперся в холодный жесткий столб левым плечом, но и это не помогло. Болели ноги, болели плечи,

Его клиент вышел только в четверть одиннадцатого, когда Отто Циммерман окончательно продрог.

Как мог молодой мужчина в коричневой рубашке и высоких сапогах безнаказанно пить пиво в гнезде красных рабочих?

Это стало понятно, после того, как он вытащил из бокового кармана кепи с орлом и водрузил на голову, чтобы защититься от дождя. Он запахнулся в старую кожаную куртку, застегнутую до горла, – так что распознать члена СА по рубашке, повязке на рукаве и нашивке с номером отряда было затруднительно.

Коричневорубашечник неспешно огляделся, на секунду задержал взгляд на фигуре под фонарем, и пошел, ускоряя шаг, к перекрестку Ниблигештрассе и Швайц, где мокла взрылленная трамвайными рабочими земля. Циммерман выплюнул окуроч, оторвался от фонаря и пересек неширокую улицу.

Когда он миновал вход в пивную, внутри раздался хлопок. Закричал человек, потом несколько присоединилось к первому. Голоса стали громче, с грохотом отворилась дверь, и оттуда вывалился лысый здоровяк в дождевике. Он путался в полах накидки, надрывно кашлял и стонал. Оказавшись на улице, лысый упал на колени, подполз к стене и, перевернувшись, сел на мокрый тротуар.

– Эй, вы в порядке? – спросил сыщик, наклоняясь.

От лысого отвратительно пахло, словно из выхлопной трубы грузовика.

– Взрыв, – прохрипел сидящий. – Газ...

С противоположной от перекрестка стороны, вверх по улице стучали каблуки. Отто повернул голову.

К пивной бежал шуцман.

– В чем дело?! – заорал он, подбегая. – Кто такие?

Отто отметил его ботинки, потом поднял глаза. Серые прозрачные глаза, маленький шрам над углом рта.

– Этот человек говорит, в пивной взрыв. Я слышал хлопок. Мне нужен человек, который первым вышел оттуда. Я частный детектив Отто Циммерман.

Он вытащил удостоверение и ткнул стражу порядка под нос.

– Там еще два десятка людей внутри, – подал голос лысый.

Полицейский помешкал.

– Ладно, у меня есть чем заняться! Имя я запомнил.

Он повернулся к сидящему человеку.

– Дышать можете?

Циммерман бежал к углу. Ральф! Нанес удар тогда, когда он, Отто, следил за ним!

Вот это удача! Но не упустил ли он мерзавца?

Отто завернул за угол, на ходу доставая револьвер, и словно врезался в стену. Штурмовик явно поджидал его здесь, и теперь стоял, широко раздвинув ноги, загроможда узкий проход. Рядом, до пояса высотой, темнела груда каменных кубиков, аккуратно вынутых рабочими из мостовой.

Сыщик рвал из кармана оружие.

– Легавый, – процедил человек.

Отто быстро оглядел его полусогнутые руки. В правой ладони коричневорубашечник сжимал камень.

«Только что схватил» – пронеслось в голове частного детектива, как будто это было важно в подобную минуту.

Он успел немного сместить голову в сторону, иначе тяжелый камень, зажатый в кулаке, пробил бы ему череп. Но и того размашистого удара хватило, чтобы Отто упал на колени. Подбородок упал на грудь, он почувствовал тепло в ухе. Когда Отто Циммерман опустился на бок, сзади кто-то сказал:

– Достаточно, Фаергот. Он уже ничего не сможет сделать.

Отто перевалился с бока на спину и с трудом поднял веки.

Где-то там, наверху, он увидел подбородок, затянутый ремешком, козырек полицейской каски и блеск ремневой пряжки. А потом дождевые капли, падающие на лицо, завертелись, превратились в звездочки, падающие с темного неба.

И все исчезло.

Глава первая Уве Клюг

Воздух в этот ранний час был чист и холоден, как вода в горном ключе. Выхлопы машин и фабричные трубы еще не напоили воздух над Берлином тяжелыми испарениями. До восхода солнца оставалось не меньше полутора часов. На узкой Бюркнерштрассе не было ни единой души.

Не считая, конечно, полицейских.

Трое из них, в униформе, возились за невысокой оградой маленького садика, за которым виднелась лестница и стрельчатые окна маленького домика. Толстый вахмистр стоял у ограды, рассматривая копьё металлической решетки.

На тротуаре, постукивая носком ботинка по асфальту, в кожаном плаще и мягкой шляпе, стоял детектив инспектор Уве Клюг. Он холодно озирает спину вахмистра, мысленно ругая того самыми последними словами. Этим остолопам из местного отделения только дубинками махать.

Он оглянулся на грохот за спиной. По улице мекленбуржец тащил угольную телегу. Возница зевал во весь рот, и кажется, даже не заметил возни за оградой. Счастливый человек.

Наконец, установили тент над телом. Клюг посмотрел в еще темное небо над крышами. Самое время, опять начало капать.

Детектив было открыл рот, чтобы в десятый раз напомнить, чтобы дуболомы не смели топтать землю вокруг трупа, уничтожая следы, как сзади опять послышался звук колес.

Клюг вздохнул. Шуршание шин могло означать лишь одно, – прибыло начальство.

Ему и не пришлось в голову обернуться.

Двигатель заглох, открылась и мягко захлопнулась дверца, приблизились шаги, детектив услышал рядом с собой тяжелое дыхание. От человека пахло сигарой, мятой и кельнской водой.

Так они стояли несколько секунд, глядя на копошившихся полицейских. Вахмистр, подскочивший при звуке подъехавшего авто, теперь суетился с удвоенной энергией, бегал вокруг тента и махал руками.

Человек из автомобиля наклонил шею и взглянул в лицо Клюгу. Уже рассветало и серый свет, просочившийся сквозь тучи, смешался со светом уличных фонарей.

– Что тут у вас, инспектор?

– Доброе утро, штеллвертрендер полицейшеф. Убийство. Врач и эксперт еще не прибыли. Тяжелая ночь, у доктора много работы.

– Уже наслышан.

Клюгу и не нужно было поворачиваться. По запаху одеколona и мяты любой ассистент-детектив Берлина мог определить заместителя начальника столичной полиции, Йозефа Майера.

– Ты похож на конское дерьмо, Уве.

Клюг вздохнул. Эту ночь спать не пришлось. На что же он мог походить, – на утреннюю фиалку?

– Докладывай.

– Сначала происшествие в пивной на Ниблигештрассе. Негодяй расплыл какую-то химическую дрянь, прямо в помещении. К чертовой колбе привязали маленькую шашку, в нужный момент подожгли бикфордов шнур, от хлопка колба лопнула, и битые, – 18 человек отправлены в госпиталь.

– Неужели опять Ральф?

– Думаю, он.

Шеф крякнул.

– Убитые?

– Слава Богу, нет. Пока возились внутри, шуцман нашел раненого, – в двух шагах от пивной, за углом. Чуть не проломили череп, валялся у кучи мощенки без сознания. Оказалось, знакомый.

– Кто такой?

Детектив инспектор искоса глянул на начальство. Тяжелый профиль Маерса с торчащим изо рта потухшим окурком сигары казался в утреннем сером свете, слепленным из мокрого песка.

Он немного помедлил, потом ответил:

– Отто Циммерман.

– Погоди... Шмутциге?!

– Он самый.

– Хёрдамте швайн, – выругался Йозеф Маерс. – Ему-то что здесь делать?

– Шмутциге со стульчака не слезет, если не посулить денег.

Заместитель начальника полиции шумно всосал верхнюю губу под нижнюю, потом громко чмокнул.

– Ну, а этот?

– Пожилая фрау из дома напротив, – у нее не очень-то со слухом, – слышала звук, похожий на выстрел. После двадцати трех. Конечно, не придавала этому значения. Иногда на улице проезжают машины, а после событий в прошлом месяце, когда отряд Тельмана схлестнулся с наци, – обе стороны метали друг в друга взрывпакеты, местные жители после наступления темноты к окнам не подходят.

– Ладно, черт с ней. Дальше!

– Труп облачен в форму рядового СА, сверху кожаная куртка, скорее всего для маскировки, – здесь штурмовику в облачении ходить одному опасно. Ранение в левую часть груди, – похоже, с близкого расстояния. Смею предположить, что застрелили его на улице, а тело перекинули за ограду, – она достаточно низкая. Иначе кто-нибудь наткнулся на него гораздо раньше.

– Только убитого штурмовика в красном квартале нам и не хватало. Если местные узнают об этом, начнутся разговоры, наци захотят возмездия. Новых столкновений не избежать. Скажи вахмистру, пусть накроет его, – хоть своей шинелью.

– Тент его закрыл. Нельзя трогать тело...

– Ты меня поучи полицейской работе, умник.

Помолчали.

– Ладно, Уве, не бери в голову.

Майер прокашлялся и зло сплюнул окурочек под ноги.

– И что ты думаешь? Пивная, сволочь Шмутциге, и этот связаны?

– Похоже на то. В любом случае, как только Циммерман придет в себя, придется его допросить.

– Вот и прижми его посильнее. Надо, – дай еще раз по башке.

Заместитель начальника полиции повернулся, готовясь двинуться к машине, но задержался и указательным пальцем зацепил рукав детектива.

– Это все, – Ньюкольн. И еще два квартала на север. Красное гнездо. Один слушок об убитом штурмовике, и начнется ад. Увози-ка эту дохлятину в морг. Любую телегу... Там пусть лекарь режет его вдоль и поперек, и в кишках копается.

– Сразу, как только врач и эксперт осмотрят тело и место преступления, – твердо сказал Клюг, глядя на носки своих ботинок.

– Твое упрямство не принесет тебе добра, – с угрозой сказал начальник. – Тебе всегда и все надо по правилам?

– А что, можно по- другому?

– Иногда только так и можно.

Майер несколько секунд в упор глядел в лицо детективу, но тот так же упрямо смотрел вниз.

Заместитель начальника полиции смолчал, и зашагал прочь.

Он влез в теплое, темное нутро Мерседеса и откинулся на сиденье.

За рулем сидел водитель. Бритый затылок, каменное лицо. Форменная тужурка без знаков различия.

– Что он говорит? – раздался с заднего сиденья скрипучий голос.

– Убит рядовой СА, предположительно застрелен с близкой дистанции.

– Есть связь с взрывами?

– Он предполагает эту связь. Более того, он предполагает, что в пивной действовал Ральф.

Надо сказать, что у старшего детектива Клюга отличный нюх и большой опыт.

– Но никаких перспектив, – проскрипел голос.

– Почему вы так думаете, советник?

Майер слегка повернул голову, чтобы лучше слышать.

– Социал-демократы у власти выше его не пустят. Хорошо известно о его симпатиях к правым. Если предположить невероятное, – что, не дай Бог, тельмановцы победят, – они его расстреляют, и правильно сделают. Только одно его выступление в качестве свидетеля в суде против лидера городской ячейки КПГ стоит смертного приговора. Если к власти придут националисты, – вашего Клюга просто выкинут с работы. Он неплохо попересажал папеновцев в начале двадцатых, и никто этого не забудет. Так что у вашего приятеля, – никаких шансов при любом раскладе.

Со стороны Халешез Тор появился небольшой автобусик криминальной лаборатории отдела убийств. Тарахтел он громко, пуская синие клубы дыма.

– А вот вам, дорогой штеллвертрендер полицейшеф, надо думать о своей карьере. И не с социал-демократами, и уж тем более не с красными. А с нами. Поехали!

Закончив возиться над телом, судебный врач Питер Хольман выпрямился во весь свой весьма небольшой рост, потер поясницу и махнул двум санитарам, уже с полчаса чесавшими бока у ограды. Они переложили труп на носилки, накрыли простыней, и понесли к автобусику.

– Наконец-то, – сказал Клюг. – Вы так долго копаетесь, доктор, что наверное уже знаете, кем был дедушка усопшего, и когда его мама вышла замуж.

– Не выйдет, – отозвался доктор. – Кроме того, что его убили из огнестрельного оружия. Револьвер или пистолет, калибр солидный. Весьма аккуратная рана, вокруг ожог и следы пороха. Расстояние во время выстрела от среза ствола, – не более сорока сантиметров. Ну, еще пара мелочей.

– Поделитесь, доктор, не тяните.

Хольман ухмыльнулся, глядя на детектива снизу вверх:

– Да вы и без меня все знаете. Двое стоят друг напротив друга. Один говорит другому: «Ты свинья!». Второй не торопясь достает пушечку, аккуратно прицеливается, – пуля, похоже, застряла в сердце, – и изящно нажимает курок. Пораженный пулей, бедняга хватается за куртку в этой области, кричит безумным голосом: «О, что же ты сделал, негодяй! И ты, Брут...»

– Бросьте, доктор. Я не спал всю ночь, и вряд ли придется подремать днем.

– Да, извините. Тем более, что ничего кричать безумно он бы и не смог, – свалился и умер. Убийца, подхватывает бездыханное тело, переваливает его через ограду. На теле есть следы вон тех железных копий, и рубашка на пузе порвана. Тело падает головой на землю, есть след на темени, и упокоевается до той минуты, когда некий беспокойный старший детектив начинает возню вокруг тихого садика.

– И...

– Завтра утром. Вы завтра утром, из моего рапорта узнаете официально зафиксированный тип оружия, примерное время смерти...

– Но может сейчас...

– Не раньше, чем пять часов назад. Точнее, увы, сказать не могу. Ауфвидерзейн!

– Грабеж, или убийца знал жертву? – задумчиво спросил Клюг.

Доктор поднял тирольскую шляпу.

– А это, многоуважаемый старший детектив, уже ваше дело. Расследуйте. Для меня это просто неопознанный труп. Küß, meine Schöne...

Прозрачный прохладный день начал отсчитывать утренние часы. В голых ветках деревьев пискнула птаха, жалуясь на неуют раннего утра. В начале улицы дворник в комбинезоне шлангом поливал мостовую, стремясь срезать грязь у бордюров, принесенную вчерашним дождем со снегом.

Уве Клюг отпустил эксперта, отпустил вахмистра с командой, и пошел в сторону Трептов.

На ходу он суммировал все, что стоило занести в первичный протокол. Кроме слов доктора, почти ничего. В карманах убитого, – полупустая пачка «Валдорф Астория», бумажные спички, и все.

Пока что Отто Циммерман по кличке Шмутциге знал больше старшего детектива.

Уве Клюг, продолжая шагать по просыпающимся улицам, поневоле начал перебирать обстоятельства биографии прежнего коллеги.

Бывшего полицейского Циммермана не зря называли продажным. Не то, чтобы в берлинской полиции работали ангелы. Совсем нет. Но только грязнуле Циммериану пришла в голову идея наполнить карманы посредством шантажа. Сотрудник отдела нравов редко сохраняет руки в чистоте.

После трех лет работы в подразделении Шмутциге взял под крыло более двух десятков уличных шлюх. Покровительствуя девочками, он обратил внимание и на клиентов. А среди них попадались весьма состоятельные господа. А среди состоятельных, – публично известные.

Все старо, как мир.

Клюг слышал все это в виде слухов и недоговорок. Он-то сам снял униформу уличного шупо около десяти лет назад, когда Отто Циммерман уже развернулся вовсю.

Они даже не были знакомы.

Отто был старше, работал в «нравственном» отделе, что не считалось достойной службой, и многие сторонились офицеров оттуда. Грязная работа. Уве Клюг начал ассистентом, потом поработал ногами в качестве младшего детектива, пока не стал старшим. Служба в «убийствах и насильственных» его устраивала, он гордился ею, и считал борьбу с тяжелой преступностью миссией.

Но не из-за своих темных схем Отто Циммермана вынесли из полиции на лопате.

Около трех лет назад он задержал молодого хлыща. Тип вовлек несколько молодых мальчишек в циркуляцию кокаина, в элитных ночных заведениях. Эти сопляки, утопая все больше, шли на все из-за горсти порошка. В результате там нашлось место всему, сверх непосредственно спекуляции наркотиками, – совращение малолетних, воровство, смерть несовершеннолетнего, – от чрезмерного употребления морфия.

Шмутциге бросил хлыща в камеру, и стал давить на него. Когда же задержанный плюнул ему в лицо, полицейский Циммерман потерял контроль, и забил хлыща до смерти. А назавтра оказалось, что говнюк, – сын депутата рейхстага, от социал-демократов, и папа на короткой ноге с одним из секретарей президента Гинденбурга.

Скандал случился громкий. Правящая партия всячески демонстрировала стремление к демократии и соблюдению прав человека. Правительству позарез требовалось показать человеческое лицо немецкой государственности странам большой тройки. А тут тупая полицейская громила забивает в застенке задержанного до смерти.

От тюрьмы Шмутциге спасло лишь то обстоятельство, что он был прав, задерживая отпрыска депутата. И растление малолетних, и наркотики, и все остальное имело место. Многие в полиции поддержали Циммермана, а часть шупо* (полицейский на сленге, коп) сами были не прочь придушить молодого негодяя.

В берлинской полиции, с одобрением отнеслись бы к «сильной руке» во власти, что дала бы приказ стражам порядка очистить улицы. В результате дело с большим трудом замяли, но детектив Отто Циммерман оказался на улице.

Мысли старшего детектива прервал топот многих подошв. Он поднял голову.

По проезжей части шел отряд наци. Развевался черный флаг с красным символом в круге, рослые парни с крутыми затылками молодцевато держали шаг. Черные рубашки, галстуки, блистающие сапоги, все аккуратно и по ранжиру. Немногочисленные прохожие останавливались и смотрели на СС. Большинство из них не могли сдерживать улыбок, многие кричали «Да здравствует!», кое-кто вытянул руку в приветствии.

Клюг поймал себя на том, что одобрительно усмехается. Вот такие крепкие ребята и нужны, чтобы навести порядок, очистить страну от гнили либерализма и жидовской олигархии!

Он пересек Трептов, пересек Шпрее и в конце концов оказался на Штралау.

Маленькое серое здание больницы «Алмосен Готтес» на Крахтштрассе, окруженное голыми ореховыми деревьями, походило на картонную коробку с прахом, вокруг которой в горе вздымали костлявые руки все еще живые старики. Внутри вела лестница с ветхими деревянными перилами, ступени вытерлись от тысяч шаркающих ног.

В маленьком вестибюле, где на полу в шахматном порядке лежали неровные голубые и кремовые плитки, в трещинах и изношенные по краям, Клюг показал свою бляху на ремешке толстой сестре милосердия, сидевшей за перегородкой? и спросил:

– Циммерман? Его привезли вчера позднее полуночи.

Сестра ласково взглянула снизу вверх из окошка в узорчатой стеклянной перегородке:

– Восьмая палата. Похоже, он пришел в себя.

Она указала рукой вглубь коридора и приветливо улыбнулась, словно пухлая мадонна в рамке. Румяная, с ямочками на щеках, она радовала глаза.

– Спасибо.

Отто Циммерман действительно находился в уме и, что важно, при памяти. Увидев Клюга, он подобрался, сел повыше, и тревожно блеснул глазами.

В маленькой палате, кроме кровати, узкого шкафа и ночного столика, ничего не было, да и не поместилось бы.

– Доброе утро, герр Циммерман, – поздоровался детектив скучно. – Как вы себя чувствуете?

Он сразу же решил показать, что считает Шмутциге обыкновенным, цивилизным потерпевшим, и ему никого дела нет до его полицейской службы в прошлом.

– Доброе, – прохрипел Циммерман.

Клюг огляделся. На большом окне, нижнюю часть которого замазали мелом, болтались на сквозняке белые занавески.

У частного детектива вокруг глаз залегли черные круги, словно у актера из «Усталой смерти» Ланга. Повязка сидела на голове шлемом, в котором, к счастью, не забыли оставить отверстия для глаз и рта. Пахло карболкой, сортиром и тушеной капустой.

Старший детектив взял у стены стул с прямой спинкой и дерматиновым сиденьем, отнес его к койке.

– Можете говорить?

Отто после короткого колебания осторожно кивнул.

– Тогда, чтобы вас сильно не утомлять, самый важный вопрос. Что вы делали вчера у пивной «Золотая Брага»?

Циммерман закрыл глаза.

– Я имею право не отвечать. Гулял.

Клюг невозмутимо осмотрел на бинты. Потом вздохнул:

– В таком случае у меня есть право задержать вас по подозрению во взрыве и распылении нервнопаралитического газа в общественном месте. И тюремный лазарет имеется. Кормят там похуже, чем здесь, но думаю, что не намного.

Он начал вставать со стула, Шмутциге закашлялся, поднял руку и тихо взвыл.

– Ладно, это я так, не подумав, сказал.

Он сделал паузу, набрался сил и начал:

– Следил за человеком. У меня появилась информация, что он, – Ральф. Ну, тот самый, поджигатель.

– За вознаграждением нацелились?

– Мое право.

– Ваше право, сообщить властям, а не спугивать опасного преступника. Откуда информация?

– Но послушайте, детектив!

– Старший детектив. Я слушаю.

– Я живу слежкой! Почему я должен отказываться от денег!

– Потому что вы спугнули особо опасного для общества преступника. И теперь он предупрежден. Не хотите отвечать в судебном порядке, отвечайте мне!

Приоткрылась дверь и в палату заглянула полная медсестра. Она осуждающе покачала головой, прижала палец к губам и неслышно закрыла створку.

– Ладно, ладно. О Ральфе я узнал от маленькой проститутки с Восточного вокзала. Кличка Мими, настоящее имя Валери Войцеховски.

Он остановился, перевел дух.

– Как выглядит?

– Волосы рыжие, одевается в черное, стиль у нее такой, готический. На руке чернильная татуировка, -изображение буквы Z.

– Что значит, – маленькая? Несовершеннолетняя?

– Обижаете, – пробубнил Циммерман в шлем из бинтов.– Сроду дела не имел с малолетними. Сразу бы сообщил в местный участок. Мими уже к двадцати пяти. Невысокая ростом, не больше метра пятидесяти пяти.

– Дальше?

– Ее клиент, штурмовик, хвастался в заведении на Лангештрассе, что может взорвать или поджечь любое здание. Сейчас в городе многие напуганы, слухи ходят о вражеских агентах, поджигающих дома и заведения, – чтобы посеять панику. Ну, вы и сами знаете...

– Знаю, – сказал Клюг равнодушно.

– Ну вот. Она еще вспомнила, что коричневорубашечник болтал с кельнером из той пивной, напротив ее гнездышка на Лангештрассе. Я тут отправился его допроси... опросить, и за пять марок кельнер тут же вспомнил, что этот тип предлагал ему несколько бутылок хорошего рома, якобы полученного напрямую из Ямайки. И опять оговорился, – я мол, вечером буду в Ньюколне, в «Золотой Браге», а потом могу заехать за бутылками в Биесдорф.

– Так и сообщил, – в «Золотой Браге»?

– Я сначала тоже не поверил. Но Мими и кельнер утверждают, что наци был хорошо на взводе, и шнапсом там дело не ограничилось. Вот я подумал, мог и сболтнуть...

Клюг глянул в щель между занавесками. Всякое бывает...

– Как зовут кельнера?

– Фред.

– А почему эта Мими так разоткровенничалась? Вы для нее никто. Старые связи?

Шмутциге надолго затих.

– Это история длинная.

– Расскажите, тем не менее. Сейчас любая деталь важна.

– Это может мне выйти боком. Прежние грехи...

Старший детектив мысленно усмехнулся: наступает момент истины.

– Если не потребуется для следствия, – останется между нами. Я ведь в протоколах и так могу повернуть, и эдак описать. Система вам известна. Этого разговора могло и не быть.

– Это хорошо, – промямлил Циммерман, хотя особого облегчения детектив в его голосе не услышал.

– Шантаж, – начал он. – Эксплуатация страха. Угроза компрометирующих или клеветнических разоблачений, с целью вымогательства чужого имущества или разного рода уступок. Кажется, так гласит Уголовный кодекс Веймарской республики?

– До пяти лет тюремного заключения, – в унисон ответил полицейский. – И это без отягчающих последствий. И на сколько лет вы заработали?

Выйдя из больницы, Клюг бодро сбежал по ступеням, но тут же стало ясно, насколько он устал. Ноги гудели, шумело в голове, и от голода ныл желудок. Надо поесть, иначе он свалится.

Сидя в кантине «Gesundheit durch Geschmack», он жевал ростбиф и картофельный салат, невидящим взглядом упершись в бетонную колонну. Вокруг ели, пили и разговаривали, звенели ложки и стаканы. Посетители входили и выходили, бродили по громадному зданию с низким потолком, а полицейский не видел ничего.

Шмутциге только что поведал ему о источнике своих доходов, – в бытность свою в отделе нравов, – и все это требовалось обдумать. Конечно, – за такое не дают премию Карла Великого. Исходя из его приступа откровенности, Шмутциге склонил двух уличных девиц к сотрудничеству, снял квартиру недалеко от места охоты, обзавелся хорошим фотоаппаратом, и присел в засаде. Он утверждал сегодня, что попадалась плотва, – верные мужья, сынки мясников и пекарей, парочка чиновников из местного управления. И только.

Но это не были предания старины глубокой. Шмутциге не бросил прибыльный бизнес, хоть и времена пришли не столь сытые, – как во времена, когда в его кармане болталась полицейская бляха. И вполне вероятно, что фотоаппарат запечатлел штурмовика СА, над телом которого утром хлопотали судебный врач, вахмистр и санитары. А если это так, достаточно проявить снимок, показать его Циммерману, – и круг замкнется.

Циммерман опознает человека в Ньюколне. Дело будет закрыто, Ральф идентифицирован, детектив Уве Клюг получит хвалебную запись в служебной карточке. А кто убил Ральфа, уличный грабитель или красные, уже не так важно.

Он отбросил вилку, встал, и вышел на воздух.

Снаружи сеял мелкий дождик. Редкие автомобили разбрызгивали из под шин черную воду. Бежали прохожие, из-за угла показался грузовик с солдатами в матерчатых шлемах. Над шлемами торчали стволы винтовок.

Город жил нервной жизнью.

В то время, когда старший детектив Уве Клюг прыгал по лужам, направляясь к Восточному вокзалу, заместитель начальника берлинской полиции сидел в своем кабинете в Главном управлении и перебирал свои думы.

Последние события убедили Йозефа Маерса, что коалиционному правительству социал-демократов в Рейхе приходит конец. Предпоследним аргументом стала политическая сенсация предвыборной кампании, – забастовка берлинских транспортников в начале ноября. Она была организована коммунистами, но к стачке присоединились нацисты. В течение нескольких

дней коммунисты и нацисты вместе выставляли пикеты, избивали штрейкбрехеров, строили заслоны на трамвайных путях.

И хотя НСДАП получила на выборах на два миллиона меньше голосов, и Тельман смотрел на политические перспективы КППГ И СДППГ с большим оптимизмом, никто бы не смог убедить опытного полицейского, что коммунисты победят.

У Маерса имелось достаточно приятелей в Рейхсвере, и настроения офицерства он знал не понаслышке. Это были боевые товарищи, с которыми не один месяц пришлось сидеть в окопах на Западном фронте, и кривить душой в общении между соратниками не стоило. У него были связи и в фашистской партии, и там тоже верили, что настроения большей части германского народа идут вразрез с красными идеями. Немецкий народ болел Веймарским синдромом, и считалось, – чем быстрее этот выкидыш капитализма уйдет в прошлое, тем быстрее Германия станет настоящим рейхом.

Последний аргумент, слова человека, сидевшего сегодня утром на заднем сиденье в машине, окончательно убедил заместителя начальника полиции, – действуя правильно, он скоро сможет отбросить приставку «заместитель». Эвальд Бухер, член Национал-социалистической немецкой рабочей партии чуть ли не с 1920 года, был прям и категоричен:

– Сквозь запертые двери Отдела контрразведки и щели в окнах «охранной полиции» проникают тревожные слухи. Будто в Берлине действует вражеская разведка с особым заданием. И это не похитители промышленных секретов, которые попадают чуть не десятками абверу. Это либо британские агенты, либо агенты Сталина. Высказано мнение, что за действиями одиночек-поджигателей типа вашего Ральфа могут стоять законспирированные профессионалы. Не то, чтобы мы питались лишь слухами, – у нас много друзей в политической полиции, и будьте уверены, многие и многие из них составят костяк силовых структур будущего фашистского государства. Криминальная полиция будет реформирована самым кардинальным образом. Но если сейчас, пока мы еще не у власти, лояльный полицейский чиновник принесет нам в зубах вражеского агента, утерев нос органам правопорядка демократов, это зачтется в самом ближайшем будущем. Мы поднимем шум в прессе, свяжем западное вмешательство с преступными действиями демократов и коммунистов. И предъявим шпиона. Вы поняли?

Йозеф Маерс взял из пепельницы сигару, энергично раскурил ее и окутался дымом.

Если он хочет подняться по лестнице, а не скатиться с нее, надо действовать. Но на кого положиться? Ему нужен человек честный, правых взглядов, -и преданный лично ему.

Перед глазами появилось лицо Уве Ключа. Правда, тот же Эвальд Бухер упомянул бесперспективное будущее для старшего детектива отдела убийств, но это ничего не значит.

Каждый беспокоится о себе.

Глава вторая Карл Кюла

Карл Кюла, голый, как Адам до грехопадения, стоял у неплотно закрытых штор, курил и поглядывал в щель на город.

Из окна в сторону центра уходила широкая, монументальная улица. Винные погребки, где постоянно горит свет, под тяжелыми фасадами, черные, с осыпавшейся штукатуркой стены с рельефными завитками и геральдическими знаками. Район старых денег: одна улица переходит в другую. Застроены домами, похожими на старинные громоздкие сейфы. Дома набиты потускневшими от времени ценностями и антикварной мебелью.

Дальше, – невидимые с этого расстояния, громоздились бетонные новостройки, а где кончались они, улицы упирались в мокрые сады.

А еще дальше, – начиналась прусская равнина, и ее дыхание прижималось к стеклам многочисленных берлинских окон.

– Что-то не так с Берлином, – сказал он в тяжелую парчу занавеси. – Три года назад город отчаянно веселился. Беззаботный, пьяный, – танцы, песни. Сейчас веселятся только на Курфюстендамм и вокруг Торгового дома. На Куудам рекой льется шампанское, на окраинах пьют желудевый кофе, и ненавидят прожигающих жизнь богачей. В Веддинге происходят кровавые стычки между ротфронтовцами и штурмовиками СА, а в Эльдorado по столам прыгают голые негритянки. Все ненавидят всех. Особенно социал-демократов.

Кюла затушил сигарету в мраморной пепельнице, и повернулся к постели.

На смятых простынях, не затратив труда прикрыть наготу, лежала женщина, курила и смотрела в потолок.

– Кризис, – сказала она равнодушно, пуская кольца дыма. – Йоганн говорит, вся Европа в том же положении.

Карл Кюла сел в кресло у роскошной напольной лампы, и закинул ногу за ногу.

– А где сейчас твой богатый и влиятельный муж?

– В Риме. Уехал до конца недели. Можешь остаться здесь. Прислугу я отпустила в деревню.

Она похлопала ладонью по пустому пространству рядом с собой.

– Иди-ка сюда. Отдохнул?

Карл содрогнулся, но покорно поднялся, прыгнул и упал рядом с женщиной.

– Барбара, ты помнишь?

– Ну, не сейчас. Ты все испортишь...

Карл Кюла трудился над массивным телом любовницы в поте лица.

Он двигался ритмично и безостановочно, как сцепное дышло паровоза, разглядывая тело под собой. Массивные груди разъехались в стороны, светлые волосы разметались по подушке. Она повернула лицо в сторону, и профиль римского патриция казался наполненным божественным вдохновением.

Типичная германская белая лошадь, подумал Карл. Фасад насыщен благопристойностью, а внутри, – похоть, разврат и ложь.

Женщина застонала, подняла большие, тяжелые бедра и стала на полумостик. По телу пробежала молния, она упала на постель и протяжно выдохнула.

Слава Господу, хоть с этим все в порядке.

Бедра еще какое-то время вздрагивали, она смотрела в его лицо, и благодарно улыбалась. Карл какое-то время оставался неподвижен, – потом, как солдат, подкошенный пулей, упал набок, изображая опустошение.

Она жаркодохнула ему в лицо:

– А ты хорош сегодня...

– Плохой комплимент, – вяло сказал он, не открывая глаз.

– Да, ты прав. Ты всегда хорош, – особенно, когда молчишь.

Барбара принялась говорить глупости. Что бы они могли предпринять за те три дня, что оставались до приезда мужа, как вкусно можно пообедать, заказав обед из Астории.

Он выждал десять минут и опять приступил к своему.

– И что же химический барон делает в Риме?

– Пфу, – она надула губки, как, без сомнения, делала это в детстве, когда не могла ответить на вопрос «Сколько будет 2+2». – Ну, зачем тебе это? По делам. Какие-то контракты.

– Барбара, мне нужны деньги.

Она шлепнула его по бицепсу.

– Сколько? Я буду платить тебе, – каждый месяц.

И засмеялась, вульгарно, словно шлюха в дешевом борделе. Но почувствовать себя шлюхой она заставила его, Карла.

Он молча встал, потянулся за рубашкой.

Женщина полюбовалась его атлетической фигурой. Широкие плечи, узкие бедра, высокий, – больше метра и восьмидесяти пяти, – и ни капли лишнего веса. Спортсмен, боксер какого-то там разряда.

– Ты похож на древнего германского бога, – прошептала Барбара сексуальным голосом. – Послушай, приедет Йоганн, я тебя с ним познакомлю. Приглашу тебя на обед. Или можем, как бы случайно, столкнуться в ресторане. Спросишь его, о чем хочешь...

– Тогда мне придется спать с ним, а не с тобой, – мрачно ответил Карл, завязывая галстук. – Я бы предпочел тебя, знаешь ли...

– Ну чего ты хочешь? – женщина повысила голос.

Он уже натягивал брюки.

– Ну прекрати. Зачем тебе штаны?

Он застегнул пояс, присел на край кровати и нежно погладил ее волосы.

– Дорогая Барбара. Я должен узнать один секрет твоего мужа, понимаешь. Мне нужна формула лекарства. От головной боли. Если я получу эту формулу, моя фабрика займется выпуском аналогов, а мои аптеки наполнятся конкурентным товаром.

Она села и поджала колени.

– А когда узнает Йоганн, я пропала. И ты тоже.

– Почему он должен знать?

– Откуда ты все это взял? – спросила Барбара, глядя на любовника с подозрением.

– Мейне либе, мне нужны деньги. И мне нужны новые разработки.

– И что ты хочешь от меня?

– Одним глазом посмотреть в папку с разработкой. Десять минут в его кабинете.

– Он все важные бумаги хранит в сейфе...

– Так открой мне его.

– Но я не знаю, как его открыть!

Глупая же ты кобыла, – это, конечно, он сказал не вслух.

– Только вчера ты упоминала свои украшения. Они ведь в сейфе, не так ли?

– Да, но...

– Кажется, ты не хочешь меня больше.

В маленьком плотоядном мозгу Барбары боролись два страха. Опасение потерять наглого красавца, образец мужской плоти, и ужас перед мужем, который не простит предательства.

Карл хорошо понимал, что творится в душе сладострастной одалиски.

– Да о чем мы говорим? Десять минут, – и трое суток блаженства! Жизнь дается один раз! Или, может, он лучше меня?

– Он вообще никакой.

Его грубый напор, кажется, возымел действие. Глаза Барбары наполнились слезами.

– Меня используют, как ширму. Вот так.

– Погоди. У него есть другая?

Теперь она смотрела в сторону.

– Стоп! Он что, педераст?

Барбара засунула нос между голыми коленями и всхлипнула.

Карлу вдруг стало жалко эту надменную, лощеную берлинку, – было ясно, богатство и все, что можно купить на деньги, не дали удовлетворения в самом любимом деле жизни, – постели.

– Контракт, – сказала она глухо и подняла мокрое лицо. – Я корчу из себя довольную супругу, Йоганн живет в свое удовольствие.

– Прости. – Он покачал головой. – за ту шутку, чтобы спать с ним вместо тебя.

– Он бы не отказался, – зло сказала Барбара. – Иногда мне хочется покончить с этим. Рассказать всем, как живу, или отравиться... или отравить его.

– Так будь горда, что каждый раз, когда мы... ты делаешь из него идиота.

Она вскочила. Громадные груди метнулись из стороны в сторону:

– Идем! Дай мне халат!

Он взял ее за талию, прижал к себе и поцеловал.

– Майн Цукеркнохен, я никогда не предаю тебя! И никто ничего не узнает! Обещаю!

Кабинет химического барона, как и положено, дышал довоенным консерватизмом. Бегемотоподобный стол, тяжелые шторы, кованые светильники-бра с прямоугольными абажурами. Неяркий свет упал на толстый турецкий ковер.

На стене висела картина, кажется, Альбрехт Адам. Лошади у крыльца, неплохо. И дорого.

Хозяйка дома выпустила его руку из своей, запахнула кружевной халат, и решительно направилась к книжным полкам. Она протянула руку к одной из книг, нажала на корешок и за книгами открылась дверца сейфа.

– Вот здесь спрятана игла, на ней яйцо, а в яйце его смерть, – мстительно сказала женщина.

Не совсем точная цитата, подумал Карл.

Барбара отщелкала круглой рукояткой с делениями нужные цифры и открыла сейф.

– Здесь куча бумаг.

– Давай, я посмотрю.

Он осторожно оттер величественную любовницу в сторону и запустил руку в сейф. Бумаги, бархатные коробочки, несколько толстых пачек, – марки, доллары, фунты, пачка ценных бумаг...

Карл взял несколько верхних документов и протянул Барбаре.

– Включи, пожалуйста, настольную лампу. Я посмотрю эти.

Пока она поворачивалась, тянулась к выключателю и укладывала листки на зеленую кожу стола, Карл Кюла ошупал дно сейфа. В дальнем углу лежало то, для чего он в течение последнего месяца играл Ромео при девяностокилограммовой Дездемоне. Ухватив «это» указательным и средним пальцами, он ухитрился опустить его в набедренный карман, повернуться к хозяйке, и обворожительно улыбнуться.

– Знаешь, мон шер, а ведь ты права. Твой муженек не такой дурак. Здесь нет лекарственной документации. Только деловые бумаги. Мне жаль, что я тебя расстроил.

Она растерянно развела руки:

– И все это зря?

– Получается так... знаешь, дорогая, уже поздно. Лучше все вернуть на место, закрыть сейф и постараться забыть о нашей маленькой шалости.

Она беспомощно смотрела на него.

– А мне так захотелось помочь.

– Ты и помогла. Теперь я тебе помогу убрать здесь все, и ты станешь провожать своего мышонка. Мышонку надо отдохнуть. У нас ведь встреча завтра?

Барбара коровьими глазами осмотрела его ловкую фигуру. Подошла ближе и положила ему руку куда-то под пряжку ремня.

– И ты думаешь так просто уйти?

Голос дышал тяжелым, знойным желанием. Карл устало посмотрел на ее переносицу, где поблескивали мелкие капли пота.

– Что ж, – подумал он со смирением. – Эта божья коровка заслужила еще немного ласки. . .

Примерно через час, чувствуя сонную истому во всем теле, Карл Кюла сошел со ступенек особняка Йоганна Боудермюллера, покрутил головой, оглядывая обе стороны пустынной по этому времени улицы, и неторопливо двинулся к своей машине.

В воздухе чувствовалась влага. Ледяной дождь то начинался, то переставал, уже несколько дней. Но сейчас небо очистилось, и над островерхой крышей дома напротив взошла большая красная луна.

Карл завернул за угол и прошел вдоль каменной ограды, откуда кусты протягивали наружу скрюченные пальцы сквозь узорчатую решетку.

Его кофемолочный Форд Модель 18, с белым откидывающимся верхом, стоял в густой тени Сегенскирхе, – подальше от особняка Боудермюллера, чтобы не привлекать любопытствующих взглядов.

Когда он уже тянул руку к никелированной рукоятке, от ограды отделилась небольшая женская фигурка и преградила дорогу. Женщина держала в руке карманный браунинг, – красивая женская безделушка белого металла, удобно помещающаяся в женской сумочке или кармане штатской одежды. Милый блестящий аксессуар, если не знать, что тупорылая пуля калибра 6,35, выпущенная с небольшого расстояния, укладывает человека так же верно, как остроконечная пуля из винтовки Манлихера.

Отраженный свет дальнего фонаря в светлых глазах мерцал, словно два светлячка на неровной морской глади. Черные волосы тускло отсвечивали под луной.

– Негодяй, – сказала брюнетка срывающимся голосом.

Вот женщина, наскоро подумал Кюла, переводя взгляд с мерцающих глаз на еле видимое отверстие ствола малыша-бельгийца. Мой идеал, – невысокая, стройная, грациозная, – не женщина, а пантера с голубыми глазами. Смуглая кожа, короткая стрижка в стиле Чикаго.

Убьет она меня сейчас, ко всем чертям, и все. . .

Он выставил ладони, как будто они могли защитить от летящей пули.

– Давай не будем делать глупости, Хельга, – сказал он умоляюще. – Я люблю тебя, и ты это знаешь.

– Ты спишь с этой коровой!

Узкий плащ подчеркивал гибкую фигуру с идеальными пропорциями фарфоровой пастушки. Странная штука жизнь, – приходится делать не то, что хочешь. . .

– Это не значит, что я ее люблю! Да я и не сплю с ней! Меня пригласил Йоганн, ее муж. По делу.

Она зло усмехнулась:

– Ты нужен Боудермюллеру так же, как министру финансов советы сельского счетовода. К тому же мужа Барбары нет в Берлине.

– Что я тебе и говорю. Случилось недоразумение! Ему пришлось уехать, а я, несолоно хлебавши, покинул его дом. . .

– Пробыв там почти четыре часа?!

– Ты что, все это время стерегла меня здесь?

Ее рука с пистолетом задрожала.

– Я здесь всего лишь десять минут. Чтобы сказать тебе, как я тебя ненавижу...

– А я тебя нежно люблю, как не любил никого.

Как и следовало ожидать, еехватило на минуту. Через шестьдесят четыре секунды женщина лихорадочно прятала пистолет в карман плаща, – словно стыдясь этого инструмента неудавшейся мести. Потом она замерла, опустив голову и горько всхлипывая.

Карл подошел к маленькой брюнетке, осторожно обнял за плечи. По его телу прошла жаркая волна. Не то, чтобы он первый раз оказался под прицелом, но уже в третий и четвертый раз после подобных приключений пылал, словно вышел из турецких бань.

– Давай сядем в машину и поедem ко мне, – ласково сказал Карл. Его лицо возвышалось над черноволосой головкой, как морда овчарки над таксой. – Тебе надо выпить. У меня есть отличный Арманьяк. Ты совсем замерзла.

Уже в машине, глядя сквозь стекло, она сказала с неожиданной твердостью:

– Ты меня использовал. Чтобы познакомиться с Барбарой Боудермюллер. Это грязно и непристойно.

Карл Кюла искоса взглянул на свою пассажирку. А ведь она и выстрелить могла. Быть героем-любовником, оказывается, не всегда завидное амплуа. В это амплуа легко вплетается драматизм, а то и трагедия.

Уже полтора года Карл снимал маленький, но уютный, аристократически выглядящий домик на Акациеналлее, 39. На другой стороне улицы, через три дома, находилась клиника Dr. Weilers Kuranstalten. Здесь пятнадцатью годами раньше умер от сифилиса отец знаменитой Мари Магдалене Дитрих, звезды «Голубого ангела». Вестенд приобрел репутацию зеленого респектабельного района. Но не комфортность и тишина привлекли сюда Кюлу, а полное безразличие соседей друг другу, и более того, – желание скрыться от нескромных глаз за оградами и крепкими стенами.

В последнее же время, когда наци дрались с тельмановцами, а полиция била всех дубинками и стреляла в обе стороны, Вестенд казался тихим островом в теплом море.

– Идем, у меня тепло.

– Если ты хочешь, – сказала она тихо.

Машина подкатила к аккуратной живой загороди. В спутанных голых ветвях скрывалась калитка.

– Да, хочу, – сказал он мягко и коснулся ее локтя. Она отдернула руку, впрочем, не больше, чем на сантиметр.

За забором блестели белые стены двухэтажного домика. Отсюда, из машины, виднелась входная дверь с маленьким окошком, забранном мудрено заплетенной решеткой. Верхнюю ступеньку лестницы украшали два пупса с крылышками по обеим сторонам, – то ли купидончики, то ли ангелочки, из других отделов небесной канцелярии. Пупсы смотрели друга в недоумении, словно спрашивая себя: он что, – опять взялся за старое?

Луна поднялась высоко над крышей. Она все больше светлела и теперь казалась желтым кошачьим глазом, замершим над голыми деревьями.

Он опять положил ладонь на ее руку:

– Пойдем, – сказал Карл тихо. – Может, ты еще захочешь меня застрелить.

Он обошел выступающей перед черными крыльями бампер, открыл дверь и подал руку. Пришлось применить некоторое усилие, чтобы извлечь женщину из машины. Когда это удалось, он захлопнул дверцу, подхватил Хельгу на руки и понес к калитке.

Уже в доме она высвободилась из рук, вздохнула, сняла плащ, сняла платье и в одних чулках и лифчике стала подниматься по лестнице.

Она хорошо знала дорогу.

Карл вздохнул. Столь насыщенная сексуальная жизнь стала утомлять даже его.

Хельга наконец заснула. Она лежала, тихо дыша, словно ребенок, подложив ладошку под щеку. Черные короткие волосы сейчас не напоминали стиль Чикаго. Они были свободны, словно ветер взъерошил их, и так и оставил в беспорядке.

Он с опаской посмотрел на изголовье. Большое резное панно в виде морских барашков давно скрипело и стонало, и сегодня Карлу показалось, – близок час, когда ласковые женские ручки выдернут весь этот прибой из пазов; где, наверное, сотню лет он мирно набегал из левого края изголовья к правому.

Он осторожно встал, взял из кармана маленькую сигару, беззвучно спустился по лестнице. Вышел на крыльцо, осторожно прикрыв дверь.

Луна уже укатила в ту часть небосвода, откуда ее с Акациеналлее увидеть было невозможно. Карл зажег сигару от бумажных спичек, с наслаждением выпустил струю ароматного дыма.

Стояла тишина, будто он не находился почти в самом центре громадного, перенаселенного города, а оказался где-нибудь далеко от цивилизации, – на забытом богом островке.

По небу пробежала светящаяся полоска и исчезла за деревьями. Ветви, колеблемые слабым ветерком, тихо качались.

Он пожелал себе удачи. Помедлил, пожелал здоровья и покоя жене и детишкам. Еще помедлил, и добавил в список Хельгу. Сделал последнюю затяжку, с сожалением затушил окурок в латунной пепельнице.

Огляделся, и прежде чем уйти, погладил правого пупса по каменной голове, а потом повернул его на половину круга, – и теперь ангелочек высматривал что-то в кустах роз, растущих в маленьком садике.

В полдень следующего дня Карл Кюла сидел на скамейке на аллее Зимсонвег, с видом на Бранденбургские ворота и Рейхстаг. В Тиргергардене по аллеям гуляли птицы и няни с детьми. Старики кормили уток.

Солнце грело почти как в сентябре.

На аллее показалась чуть сторбленная фигура пожилого мужчины в темном, он тяжело опирался на палку. Человек не торопясь двигался вдоль аллеи, заглядываясь на детей, играющих на лужайке.

Отличный образ, подумал Кюла с одобрением. Кто бы мог подумать, что этот унылый старикашка способен бесшумно убить человека на голову выше его, а потом протащить раненого товарища несколько километров.

Пожилой господин достиг скамейки. Немного поразмыслил, принял решение немного отдохнуть. Он сел на свободный край скамейки, и доска жалобно скрипнула под тяжелым телом. Старик облегченно вздохнул, откинулся на спинку. Трость он положил между Карлом и собой, вытянул ноги.

– Притомились, дедушка, – спросил Кюла с усмешкой.

– А ты попробуй, походи, – сторбившись и шаркая, да с подушкой на пузе, да в этом пальто. Оно весит килограммов двадцать. Берлинские пенсионеры, – выносливый народ, скажу я тебе.

Карл скучающе посмотрел вглубь Зимсонвег.

– Ключ у меня.

– Это хорошо.

– Можно теперь узнать, от чего он?

Человек в черном пальто скрестил ноги.

– Теперь можно. Он от несгораемого шкафа.

– Понятно, что не от шкатулки с брошками одинокой фрау, Бруно. Где стоит шкаф?

– В подвале дома на окраине Берлина, между Фреденау и Штеглиц. Там фирма «Hoechst AG» хранит свои новейшие разработки. Лекарства от головной боли, антибиотики нового поколения, – и еще кое-что, в чем очень заинтересованы наши.

– Так мы отправляемся на грабеж?

– Сегодня вечером.

– А что это за дом?

Человек на другом краю скамейки хмыкнул:

– Павел, ты задаешь лишние вопросы, но так и быть... Образцы хранятся в лаборатории доктора Шредера, -правой руки Йоганна Боудермюллера, чью жену ты обхаживал так долго. Слишком долго. Именно Шредер есть мозг империи «Hoechst AG». Все новые разработки проходят его лабораторию. Химические волокна, пластик, лекарства.

– Лаборатория не охраняется?

– Лаборатория занимает громадный подвал под домом Шредера. Доктор одинок, жена умерла несколько лет назад. А Йоганн Боудермюллер, без своего мозга в деловые поездки не отправляется. И конечно, она охраняется. Снаружи. А внутри всегда есть люди. Работа над препаратами не прекращается, в три смены. Сколько там внутри, я не знаю.

– Так за чем мы охотимся?

– Образец препарата E-285. Подробнее расскажу вечером, время будет. Теперь так. Нам нужны два армейских противогАЗа, сможешь раздобыть?

– Конечно. Я же химик. У меня на фабрике небольшой склад химзащиты, могло бы пригодиться французам под Ипром, в 15м году.

– Нам понадобится только два. Встречаемся на Борнштрассе в половине двенадцатого, – приходи туда пешком. Машину, Павел, оставь за квартал, твоя телега слишком примечательна. Увидишь ремонтный грузовичок на перекрестке.

Собеседник встал и взял трость.

– Никогда не поверю, Бруно, что вы не сможете вскрыть какой-то там бронированный шкаф, – остановил его Кюла.

Старик в черном пальто пожал плечами.

– Тогда зачем я рисковал в доме миллионера Боудермюллера? Когда в лаборатории обнаружат пропажу, он своими руками вытрясет из женушки все подробности!

– Да потому, мой junger Freund, что шкаф этот, – фирмы «Сименс-Шуккерт». У него нет глупостей с часовым механизмом, который можно открыть, слушая щелчки докторским стетоскопом. И порох в скважину не засыпешь. Если замок открыли чужим ключом, или другим способом, -электрическая цепь замыкается, в соседнем полицейском участке на Кайзер Аллее звучит звонок. Технический прогресс. Так что, мой милый Павел, – будь вовремя, и с двумя масками.

Бруно повернулся и, шаркая подошвами, побрел прочь.

Кюла остался греться на солнышке, рассуждая о том, как ему повезло со старшим товарищем.

Потом он поднялся, осмотрелся, и пошел к машине, она осталась у ограды парка.

Сел в нее, завел двигатель и влился в городскую толчею.

Карл двигался от Потстдамской площади к Фридрихсхайн. Его Форд плыл в потоке автобусов, лошадиных повозок и мотоциклетов. Иногда движение замедлялось до голубиноного шага. Тогда он смотрел по сторонам, – на тротуары, лавки и памятники.

Карл Кюла не считал себя сентиментальной тряпкой. Он жил в Берлине более восьми лет, и успел полюбить город. Но сейчас он с болью и разочарованием видел катастрофические изменения, которые принес экономический кризис. Тысячи безработных, выброшенные на улицы, слонялись в поисках еды. Нищие терлись у стен домов. Их становилось все больше и больше. Они сидели в покорном безразличии, а позади, в громадных зеркальных витринах громозди-

лись дирижабли свиных колбас, громадные головки сыра, пирамиды консервов с паштетами и фруктами. На углу, в магазине «Модишер херр» безголовые манекены щеголяли смокингами. Котелки и безупречные фетровые шляпы каскадами висели на крюках. А под ними сидел нищий в офицерской форме, без ноги, и просил на кусок хлеба.

Форд пересек Шпрее через Паласбрюке.

Тут же он попал в гигантскую пробку перед Краухштрассе.

Форд стоял под сенью желтого трамвайного вагона, возвышавшегося над спортивной машиной, словно песчаный холм. Карл поднял голову и встретился глазами с пассажиром в темной шляпе, глядевшим на него сверху из трамвайного окна. Человек не старый, может, ближе к тридцати пяти. Пассажир жевал губами мятую сигарету и с вялым интересом рассматривал новехонький автомобиль. Когда он понял, что водитель Форда уставился на него, человек в шляпе едва кивнул, – то ли одобряя машину, то ли просто из вежливости. Потом колеса трамвая взвизгнули, и вагон сдвинулся с места. Карл еще раз взглянул на окно трамвая, но человек в шляпе уже не смотрел на улицу, а уткнулся в газету.

Карлу Кюла пришлось объехать Силезский вокзал по Лангештрассе, и здесь он попал еще в большую пробку.

Плакат на фонарном столбе, чуть выше уровня машины гласил, что на Херманшторплац Немецкая национальная народная партия Гугенберга проводит митинг. Объявление так же сообщало, что на митинг приглашен герр доктор Геббельс, для выступления и последующей дискуссии. До начала мероприятия оставалось более четырех часов, но поток людей, стекающих со всех сторон столицы, уже мешал движению. Много было членов СА, рядовые эсэсовцы, многие, – с плакатами за Немецкую народную партию, – так что митинг предстоял жаркий.

Перед площадью творился настоящий бедлам.

Карл двигался в человеческом море, пытаясь достичь своей фармацевтической фабрики, и размышлял, – сколько же бедствий уже выпало и еще выпадет на долю немецкого народа.

Нет покоя в Германии...

Он все успел и двигался на встречу с Бруно без опоздания. В 11.10 он миновал кайзеровский почтамт, и пересек район Фреденау, с севера на юг.

Несмотря на то, что этот район уже более десяти лет считался частью столицы, и за это время здесь как грибы вырастали четырех- и пятиэтажные многоквартирные комфортабельные дома, в облике района все еще оставалось нечто деревенское. Это, даже в большей мере касалось и Штеглица.

Он оставил машину на Гёссиерштрассе, идущей от центра предместья к улицам Штеглица, и дальше пошел пешком. Здесь, как и десять лет назад, ложились спать рано. В домах почти не было светящихся окон.

Время Бруно выбрал удачное.

Сам Бруно сидел в кабине двухтонки «Опель Блитц», с парусиновым тентом над кузовом. Из кузова торчала складная лестница.

– Давай-ка, помоги, – он хрустнул рукояткой коробки передач, вылез из кабины и обошел грузовик. Махнул рукой.

– Толкаем его до вон того дерева. Дальше нельзя, охрана заметит.

Фонарь перед домом бросал беспокойный свет на большое дерево, в вышине шумела невидимая верхушка. На ветках осталось несколько забытых ветром пергаментных листочков, и сквозь неясные, мерцающие лучи дерево казалось таинственным существом из смутного сна.

Грузовик неслышно подкатил к толстому стволу и остановился, залитый качающейся тенью.

– Тяжелый, как баварец, – пропыхтел Бруно, отерев лоб рукавом темной куртки, плотно обтягивающей покатые плечи борца. Под рукавом заходили мускулы. Прижал палец к губам.

Подтянулся и закинул тело в кузов. Сел на колено, вытащил из-за пазухи армейский бинокль и прижал к глазам.

Карл услышал, как он бормочет:

– Один прямо у дверей, другой ближе к окну.

Бруно убрал бинокль и поднял с дна кузова длинный предмет. Когда он поднял его двумя руками и прижал один конец к правому плечу, Карл понял, что это винтовка. Над затвором поблескивал цилиндр оптического прицела, на конце ствола угадывался еще один цилиндр. Похоже на глушитель.

Кюла пожал плечами. Стрелять из винтовки с оптикой через глушитель, и надеяться попасть в цель на таком расстоянии может только Бруно.

– Чмоф, чмоф, – два выстрела, с разрывом не более секунды, и не громче шелчка пальцами.

– Бери лестницу.

Лестниц оказалось две. Карл понял, почему, когда притащил лестницу к ограде. Каменная стена увенчивалась накрученной в спирали колючей проволокой.

– Одну прислоним тут, – бормотал Бруно сзади.

У него между лопаток, на манер солдатского ранца, на ремнях висел предмет, похожий на снаряд. Он споро взобрался по приставной лестнице, снял свой странный ранец, перегнулся через стену, почти невидимый для Карла, и опустил предмет вниз, внутрь двора. Слез вниз, забрал вторую лестницу, прикрепил ее наперевес петлями за спину и опять полез вверх.

Карл снизу наблюдал, как быстро удаляется его обтянутый черными тренировочными брюками зад.

Будто трубочист лез на рабочее место.

– Забирайся, – услышал он негромкий голос. – Когда будешь наверху, подтяни лестницу снаружи и брось ее в сад.

В саду чернели редкие деревья, пахло кладбищем и поздней осенью. Бруно уже возился у ступенек, ведущих в подвал. Сверху, на площадке, лежало тело. Второй часовой валялся у лестницы. Его висок украшала аккуратная дырка, под противоположной щекой натекла черная лужа.

Бруно небрежно отодвинул винтовку, охлопал карманы убитого.

– Старший тот, что наверху, – заключил он, поднимаясь. – Иди, проверь его карманы. Должен быть ключ от входной двери, или связка.

Карл взбежал по ступеням, покрытым черной листвой.

Второй часовой привалился к боковой колонне, словно решил спрятаться от ветра и закурит, а оружие на минуту отложил в сторону.

Ключ нашелся в кармане армейской шинели.

Когда он вернулся к Бруно, тот возился со своим таинственным снарядом. К сужающейся части он уже подключил длинную гофрированную трубку.

– Что это? – прошептал Карл.

– O-Salz. Слезоточивый газ. Помогите мне.

Хлорацетофенон, добавил Кюла про себя. Хорошее средство, чтобы заставить кого надо не вмешиваться в твои дела.

Кюла подхватил баллон – снаряд, и оба поднесли конструкцию к стене.

– Это отдушина вентиляции подвала, – объяснил Бруно, показывая на прямоугольное отверстие над верхней ступенькой лестницы, забранное стальной решеткой.

– Две-три минуты, – и все рыдают. До нас никому не будет дела.

– А что за препарат мы забираем, вы можете мне сказать?

Бруно ловко заправлял трубку в решетку. Остановился, посмотрел в склонившееся лицо Карла.

– Три месяца назад у нас взяли немецкого военного разведчика. Крутился недалеко от верфей, где строятся сторожевые катера. Этот тип оказался твердым орешком. На допросе лазутчик заявил, – мол, можете вколоть мне «эликсир истины», тогда, может, я заговорю...

Бруно замер. С улицы донесся шум мотора.

– Черт! Неужели полиция? – прошептал Кюла.

– На моем грузовике логотип Stadtreparaturdienst. Не должен вызвать опасений...

Автомобиль, судя по всему, тоже грузовой, проехал мимо дома Шредера, не останавливаясь. Вскоре астматический кашель двигателя затих где-то в нижней части Борнштрассе.

Бруно облегченно выдохнул:

– Пронесло. К тому же полиция в этом районе... в лучшем случае верхом, а обыкновенно топ-топ, наслаждаясь ночным воздухом.

– Так что там с эликсиром?

– Люди из Центра дали задание порыться тут и там. Полгода я бегал, как озабоченный пес в поисках сучки, пока не прочел в BIZ хвастливое интервью с самим Йоганном Боудермюллером. Он похвалялся, как его концерт крепит оборонную способность Рейха, обходя Веймарские законы. Мне нравятся эти богатые болтуны. В конце концов ниточка раскрутилась сюда, к Шредеру. Давай противогаз, и сам одевай.

Они одели маски и сумки с фильтрующими коробками, – Кюла свою сумку повесил на груди, Бруно закинул на спину. Потом Бруно проверил, как глубоко трубка вошла за решетку, и открутил вентиль баллона.

– Пшшшик, – трубка дернулась. Бруно поднял кулак с оттопыренным большим пальцем.

Через две минуты, открыв дверь подвала, они заглянули внутрь.

У порога сидел лаборант в белом халате, ладоням сжимал лицо.

Второй химик ползал между металлическими столами в центре громадного помещения с низким потолком. Трубки люминесцентного освещения заливали колбы, реторты, аппараты Киппа, Клер-Девиля, экстракторы Сокслета, прочие лабораторные приспособления и посуду мертвым голубоватым светом.

Оба лаборанта кашляли, тот, что ползал, заливался слезами.

Бруно первый переступил через сидящего человека и вошел в подвал.

Повернулся к Карлу, кивнул и показал пальцами, – не более двадцати пяти минут. Карл тоже перешагнул сидящего бедолагу, тот качался из стороны в сторону, как мусульманин на молитве.

Карл двинулся влево, огибая многочисленные столы, вытяжные шкафы и кабинеты с десятками отделений. Напарник двинулся вправо. Карл миновал дверь туалета, и еще через три шага увидел массивный шкаф, грязновато-зеленого цвета, высотой в человеческий рост.

Этого медведя для удобства снабдили колесами.

Он махнул рукой Бруно и стал осматривать дверцы. Замочную скважину закрывала стальная заслонка, рядом длинная рукоятка для открывания засова. Наверху латунная табличка с названием фирмы, – Siemens-Schuckertwerke AG.

Солидно.

Подошел Бруно, поглядел сквозь очки, стал рядом, хлопнул Карла по плечу. Достал из кармана ключ с затейливой бородкой.

Он стоял справа, дверь туалета осталась в трех шагах, по левую руку Карла Кюлы.

Проклятый туалет открылся, оттуда выпрыгнул человек в таком же халате, как у первых двух лаборантов. Лицо его закрывала маска, как и у Кюлы с Бруно, только не армейского цвета хаки, а синяя.

Он держал наготове правую руку с зажатым в ладони оружием, – и когда понял, что в подвале незваные гости, дернул вверх предплечье и выстрелил.

Если боксер хочет остаться здоровым и даже выиграть пояс, он с многочисленными тренировками и боями должен наработать кучу навыков и хорошую интуицию. Некоторые называют это шестым чувством. По сужающимся зрачкам противника, по движению плеч и корпуса хороший боец предугадывает, куда будет направлен нокаутирующий удар. Дальше дело за реакцией.

Карл обладал отменной реакцией, и когда призрак в белом и в маске только начал поднимать оружие, совершил нырок, как делал это бесчисленное число раз на ринге, заставляя кулак противника рассекать воздух над своей головой.

Расстояние между ним и стрелявшим было гораздо больше, чем между боксерами, и ему пришлось оттолкнуться руками от пола, чтобы преодолеть его. Что, конечно, запрещено на соревнованиях.

Карл не дал времени человеку в халате опустить оружие, чтобы изменить линию прицела для второго выстрела. После броска, напоминавшего скачок орангутанга, он приземлился на согнутые ноги, и нанес удар кулаком стрелку в пах.

Дальше было проще, – подняться, нанести мгновенный джеб над дыхательной трубкой и прямой правый в подбородок. Человек в халате еще падал, а Карл уже повернулся и увидел, – пуля, предназначенная ему, поразила Бруно.

Он наступил упавшему на руку, ладонь разжалась, и Кюла оттолкнул оружие в сторону. Подбежал к Бруно и упал на колени.

Одного касания пальцем шеи оказалось достаточно, – его напарник Бруно отлазил свое по лестницам. Из-под маски натекла кровь, осколки одного из стекол глубоко вдавились в глазницу.

Он оставался неподвижным почти минуту, чувствуя коленями холодный пол. Повернул голову, повернулся к стрелку в синей маске, чтобы определиться, как там с нокаутом, взял из мягкой ладони Бруно ключ, – встал, поднял стальную заслонку и вонзил ключ в скважину.

Стеклянный контейнер для хранения реактивов с наклеенной бумажкой E-285 стоял на полке перед ним, на уровне глаз. Банка казалась необычно большой, – литра два, не меньше. На две трети ее заполнял серо-голубоватый порошок.

Карл аккуратно поместил контейнер в сумку, рядом с фильтрующей коробкой противогаса. Осмотрел наскоро полки, – не ошибиться бы? Баночки, колбы с притертыми пробками, коробочки. На каждой были надписи, обозначающие различные реактивы, все знакомые Карлу Кюле. На нижней полке лежал объемистый журнал. «Результаты синтеза».

Формулы, краткое описание опытов. Карл засунул его за пояс.

Сзади кашляли и всхлипывали, но он не обращал на это внимания.

Поднял оружие, убившее его приятеля. Револьвер Наган 1895. С таким калибром можно уложить любого здоровяка, даже самого Бруно. Обошел лабораторию по кругу, разбивая рукояткой все, что только возможно. Жидкости стекали на пол, образуя лужи.

Вернулся в исходную точку. Наклонился и сдернул маску с лица человека в халате. Под ней пряталось молодое лицо, украшенное небольшими офицерскими усиками. Не больше тридцати.

Молодой человек вдохнул газ и захлебнулся. Он глотал, хватая его еще больше. Открылись большие голубые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, как у девушки. В них был немой вопрос, – почему мне нечем дышать?!

Теперь он стал похож на глубоководную рыбу, – рот судорожно открывался, и закрывался опять.

Карл просунул ствол нагана между белых неровных зубов, и нажал спуск.

Глава третья Уве Клюг

Утром того дня, когда произошла бойня на Борнштрассе, Уве Клюг проснулся у себя в квартире, на Виттстокерштрассе в VIII районе. Хоть и немного болела голова, он решил, что выпался- и, поднявшись с постели, принялся махать руками и задирать ноги, что означало утреннюю гимнастику.

Квартирка в доме, построенном еще при короле Вильгельме I, находилась на третьем этаже. Она представляла собой вереницу из трех небольших комнат, выходящих окнами на тихую Виттстокерштрассе, ванную комнату и кухню. Недостатком квартиры являлись удаленность от нынешних точек приложения интересов Уве, и постоянно падающая с потолка штукатурка. Достоинством, – реновация дома, что выразилось в сооружении в каждой квартире микроскопического ватерклозета, и... удаленность от Александерплац и других беспокойных мест с большими скоплениями людей.

Уве с самого рождения жил здесь, но лишь последний год в одиночестве. Его отец, Хельмут Клюг, заработал на полицейской службе и при заядлом курении трубки заболелание сердечной мышцы, – и по настоянию врача и увещаний супруги переместился в Мальхов, – само собой в сопровождении мамы Уве.

Как примерный сын, он посещал деревенский дом родителей, не реже раза в месяц.

Отъезд отца и матери означал для Уве Клюга безусловную свободу. Ему исполнилось 38 лет, – достаточный возраст, чтобы жить самостоятельно. Но это же принесло и некоторые неудобства.

Например, эта яичница! Он с отвращением отодвинул желто-черно-белое месиво и взялся за кружку. Кофе оказался не лучше. Маме всегда легко удавались вкуснейшие вещи, из самых простых продуктов!

Голодный и недовольный собой, он оделся, спустился по старой скрипучей лестнице, толкнул тяжелую дверь, и оказался на улице.

Через сорок пять минут, сделав пересадку с трамвая на трамвай, старший детектив достиг управления.

В Отделе убийств стояла необычная тишина.

– Разбежались, – пожал плечами Вольф Функ, – а я здесь всего лишь потому, что вы приказали вчера по телефону проверить сутенеров в XIV районе. Вот тут с десятков фамилий, но за актуальность не отвечаю.

– Как и всегда, – буркнул старший детектив.

Функ считал себя личностью недооцененной, но обладал лишь одним ценным качеством, – умением водить машину, что позволяло привлекать детектива к спецоперациями и облавам. Когда у него сбежал задержанный по кличке Шестипалый, обвиняемый в убийстве любовницы, – а задержанного всего лишь надлежало перевезти из камеры в Управлении в тюрьму, – его участие в мало-мальски важных процедурах ограничило до минимума. С тех пор гениальный детектив Вольф Функ 95% рабочего времени проводил за столом.

Уве взял лист с отпечатанными фамилиями и отнес за свой стол у деревянной перегородки.

Функ проводил его взглядом, полным неприязни.

На столе, в центре лежал лист «пост мортем». Результаты вскрытия убитого с Бюркнерштрассе. Привет от судебного медика Питера Хольмана.

Старший детектив повесил пальто и шляпу на вешалку, присел к столу и пробежал результаты аутопсии.

Никаких сюрпризов. Револьверная пуля, калибр 7.62, выстрел с близкого расстояния, мгновенная смерть из-за попадания в легочную артерию, раны на животе от острых прутьев решетки. Время смерти, – между 23.30 и 1.00 ночи.

Клюг пододвинул телефон и набрал полицейский морг.

– Уважаемый доктор, – сказал он предельно вежливо.– Премного благодарен за экспертный анализ вскрытия. Теперь все кристально ясно. Можно брать убийцу. На пуле, случаем, инициалы не выгравированы?

– На ваше несчастье, нет, – ответил Хольман со смешком.– Так что придется поработать. Некстати, – есть новости из госпиталя на Халешез Тор. Твои подопечные работяги из той пивной...

– «Золотая Брага».

– ...приходят в себя. Местный лекарь в нокдауне. Два десятка людей блюют и стонут, словно на Ипре.

– Не изволите ли, доктор, сообщить о содержании желудка, и уровне опьянения больного?

Хольман хихикнул. Его страсть к черному юмору и отвратительным патологоанатомическим шуточкам была общеизвестна.

– Парочка бокалов пива. Сосиски. Ржаной хлеб с примесями гречки и манной крупы. Сколько ваш штурмовичок сожрал хлеба с сосисками, сказать не решусь. Ел пациент за два с половиной -три часа до того, как предпочел на десерт свинца.

– Плотный ужин...

– Видите, – кушать после шести вечера вредно для здоровья. Küss, meine Schöne!

Клюг предпочел не засиживаться за столом, теряя драгоценное время, -поднялся, кивнул Функу, взял пальто и вышел.

Очередным трамвайным номером он добрался до Халешез Тор.

В большой трехэтажной больнице «Unterschlupf» (Приют), атмосфера хоть и отличалась меньшей оглушительной разноголосицей, чем в отделе, оптимизма не добавляла.

Он явил свой жетон дежурному врачу.

Врач все-таки не был так плох, как сообщил Хольман. То ли уже вышел из нокдауна, то ли умел держать удар.

– Пятерых допрашивать еще нельзя, – без сознания. Еще трое очень слабы, только завтра смогут говорить. Остальные ваши.

Сопровождаемый врачом, старший инспектор поднялся по мраморным ступеням на второй этаж.

Длинный коридор освещался уличным светом сквозь высокие окна, каждая рама в три стекла высотой. Через такое окно легко проходил всадник. Потолок терялся в высоте. Пол поскрипывал паркетом, протертым до половины толщины половиц, но тем не менее будил прочитанное в детстве, – о эпохе офицеров с шпагами и дам в кринолинах.

– А что тут было раньше? – спросил он на ходу.

– Институт благородных девиц, – ответил доктор.– Говорят, некоторые из выпускниц выполняли обязанности фрейлин при дворе Фридриха Вильгельма Третьего и Четвертого.

«А сейчас здесь блюют пролетарии с завода промышленника Отто Вайдта и картонных фабрик», – усмехнулся про себя Клюг.

Ему удалось опросить десяток пострадавших, и он испытал к ним сострадание. Бледные, с опухшими глазами, они бессильно лежали на чугунных кроватях, под каждой таз, на случай если еще не все выделения покинули тело. Сестры подкладывали под спины подушки, так больным было легче дышать.

Но почти никто не помнил человека, вышедшего за минуту до микровзрыва. Лишь один, полный лысый человек, с картонной фабрики, вспомнил высокую фигуру в потертой куртке. Но так как две трети посетители одевались в подобную одежду, это не очень-то помогло.

Кельнер вспомнил больше. Он вспомнил человека в куртке. Когда тот выходил, кельнеру бросились в глаза высокие блестящие сапоги.

– Такие местные не носят, – добавил кельнер, почесывая припухший от слез глаз.

– И на том спасибо, – сказал Клюг.

Уже от двери он спросил:

– А что за хлеб у вас в заведении?

Тот пожал плечами:

– Ржаной с гречкой. Печет жена хозяина. Еще манку добавляет. Посетителям нравится.

Уве Клюг снова очутился на улице. И опять надо ехать в другой конец города.

Уже подъезжая к своему VIII-му району, он обругал себя ослом. Сегодня надо обязательно попасть на Восточный вокзал. Через пару дней Циммермана выпишут, и ищи его по городу.

Он решил не откладывать проверку истории Шмутциге до завтра, и выскочил на тротуар.

Ему удалось оказаться на остановке раньше трамвая, идущего к вокзалу.

Вагон заполнили люди, – большинство мрачные, сонные, замерзшие. Трамвайный вагон попался из старых. Желтый, аляповато выкрашенный, со старинно выгнутыми сиденьями, над которыми болтались петли ремней. На стыках трясло так, что если, задумавшись, ослабишь мышцы лица, нижняя челюсть подскакивала к верхней, грозя откусить кончик языка.

Ему повезло. Через две остановки освободилось место у окна, он юркнул туда, удовлетворенно осмотрел улицу с экипажами. Нащупав в кармане вчерашнюю газету *Vossische Zeitung*, уткнулся в нее, чтобы не видеть лиц пассажиров.

Но, -поневоле, мысли продолжили вращаться вокруг расследования.

Остаток вчерашнего дня старший детектив провел в архиве Управления. Канцелярские столы, картотечные шкафы и настольные штепсельные лампы, – это место всегда наводило на него сон, а уж после бессонной ночи в Ньюколне и подавно. Спасибо ангелу хранителю архива, госпоже Эрике Кралевски.

Директором отдела и главным нотариусом Фрау Кралевски стала после гибели ее мужа в уличной перестрелке. Бывшие солдаты, вооруженные револьверами Люгер Парабеллум, оставшимися в личном пользовании после Мировой войны, грабили лавки, решая продовольственные проблемы. Пауль Кралевски был на хорошем счету, и полиция Берлина перевернула город вверх дном, чтобы найти убийцу. Тот получил пожизненное, а тогдашний комиссар берлинской полиции господин Штурмст решил, что негоже оставлять вдову погибшего на посту смельчака на скромной пенсии, полученной за мужа-полицейского.

Эрика Кралевски работала в архиве почти десяток лет и знала его содержимое, как ингредиенты супа «Айнтопф Пихельштайн», который готовила на выходные.

– Проститутки, – вон там, секция Е. Это относится к Отделу нравов, – сказала она, выслушав периодически зевающего детектива. – Если, само собой, твоя Мими не впутана в расследование более тяжкого преступления. Что касается наци, здесь сложнее. На карточке может быть пометка, – член НСДАП, участник СА, Рот Фронт, или Союз красных фронтовиков, а находиться карточка может в любой группе, – от гомосексуалистов до убийц. Начните с самых поздних.

Клюг клевал носом, тер глаза, но никакой рыжей Мими не нашел.

Ненамного лучше обстояли дела с убитым на Бюркнерштрассе штурмовиком. К времени закрытия архива на листке бумаги осталось только две записи, подходящие к убитому:

Йозеф Крамер, унтершарфюрер СА, 31 год, драка в пивной, нанесение ножевого ранения.

Ганс Гессе, обергруппфюрер СА, 33 года, разгром еврейской лавки хозяйственной утвари, оказание сопротивления полицейскому патрулю.

Оба освобождены через 48 часов.

– Госпожа Кралевски, мне нужен адрес человека по фамилии Циммерман. Отто Циммерман...

Колеса вагона завизжали на повороте, Уве Клюг взрогнул. Заснул. Он пришел в себя и осмотрелся.

Трамвай двигался по Карлифер. Он взялся за газету, преодолевая плохое настроение человека, чьи руки и ноги затекли в одежде, пока он кулем полулежал на сиденье.

Люди входили и выходили, непрерывный слитный гул голосов напоминал прибой. Уве на секунду оторвался от заметки о очередном кругосветном полете дирижабля «Граф Цепелин», чтобы увидеть между животами и спинами пассажиров массивное здание Рейхстага, видное издали, – с той стороны реки.

Потом трамвай пересек Шпрее, и Уве опять задремал. Проснулся он у Краухштрассе, еще более недовольный собой и уличной неразберихой. Трамвай стоял, улицу заполняли машины, повозки и автобусы. По тротуарам сплошным потоком шли люди.

Он похлопал себя по карманам. Сильно хотелось курить. Чтобы унять желание, он достал сигарету и сжал ее в губах. Сидел и смотрел на улицу.

Рядом с бортом вагона, под окном, остановился модный автомобиль со светлым верхом. Кофе с молоком, блестящий бампер, верх откидывается. Клюг удивился. Форд 18, новинка американского рынка! Произведен не более полугода назад, и уже в Берлине? Это что за гусь за рулем?

Светловолосый здоровяк с квадратными плечами будто почувствовал на себе взгляд, и поднял голову.

Их глаза встретились, и Клюг слегка кивнул. Он сам не понял, для чего это сделал. То ли одобрил машину, то ли решил вдруг приветствовать незнакомца. Длинная вереница транспорта сдвинулась, и американская машина вскоре пропала в берлинском море.

Наконец утомительный путь завершился.

Старший инспектор вышел у большой каменной арки. Большая нелепая конструкция, возведенная по давно забытому поводу, повидала многое, – возвращение израненных фронтовиков с Восточного фронта, голод и инфляцию, спекулянтов, мешочников, митинги и демонстрации... Сейчас серые грязноватые камни пестрили серпами и молотами, нацистскими свастиками, воззваниями и призывами к стачке, уличным протестам, изодранными в клочья объявлениями, – где предлагалось все, – на аукционах, из рук в руки, из под прилавка, в подворотнях и парадных.

Часы на фронтоне вокзала показывали 18.35, в обеих шестиугольных башенках стекла отражали мутное небо, – с узкой багровой прожилкой, оставленной спрятавшимся за невысокие пакгаузы солнцем.

У трех высоких арок центрального входа клубился народ.

Уве Клюг остановился в отдалении, напротив. Закурил сигарету, и осмотрел, через замощенную булыжником привокзальную площадь, толпу у входа.

Он усмехнулся, – в этой толпе можно было найти всех представителей германского общества. От чопорного господина в теплом пальто с лисьим бортиком и цилиндре, да еще и при трости с серебряным набалдашником, до деревенского жителя в подбитом ватой бесформенной куртке, с мешком на плече.

Через время наметанный взгляд обнаружил двух «курочек».

Он отбросил окурочек и пересек площадь. Пока он это делал, парочка проституток, равнодушно поглядывала по сторонам. Одна, у которой из под тонкого платка выбивались крашенные светлые волосы, оделась в приталенное пальто с поясом, – недорогое, но с претензией

на последний французский шик. Другая казалась проще. Дождевик, похожий на мужской, вульгарная шляпка с ярким пояском.

У обеих во рту дымились сигареты.

Уже подошел вплотную, не без усилия, так как пассажиры огибали женщин плотным потоком.

Первой его заметила блондинка. Она вытащила изо рта сигарету и оскалилась, демонстрируя плохие зубы.

«Можно себе представить, когда она это делает от чистого сердца» – содрогнулся Клюг.– «Или смеется во все горло».

– Какой милашка, – сказала вторая.

При ближайшем рассмотрении она выглядела настоящим ефрейтором.

– Мими сегодня работает? У меня для нее работа.

– А инструмент с собой? И чем я не подхожу для этой работенки? – спросила блондинка жеманно.– Wenn Jungs Muschi bekommen, bekommen Mädchen Brüste.

Подружка зашлась хриплым вульгарным смехом. Полицейский разозлился.

– Мими, рыжая. Одевается в черное, на руке татуировка, буква Z. Где она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.